

совет всех „храбрых“. Город этот (замок Александра Поповича) был „обрыв“ над Гремячим колодцем на реке Где, — „иже и ныне той соп стоит пуст“. Съехавшиеся „храбры“ совещаются между собою. Если им оставаться служить по разным княжениям, то быть им перебитыми, так как у князей на Руси „велико неустроение и части боеве“. „Храбрые“ условливаются („кладут ряд“) ехать служить единому общерусскому князю — в „мать городам русским“ — Киев. В Киеве, рассказывает „описание“, княжил в это время великий князь „Мьстиславь храбрый Романовичь Смоленского“. „Храбрые“ били челом киевскому князю. Поступившими к нему на службу русскими „храбрами“ Мстислав Романович „велми гордяшеся и хваляшеся“. Здесь летописец заключает свое заимствование из „описания“ следующими словами: „донележе сна злоба о ней же повесть предлежит“.

Затем летописец возобновляет заимствование из Софийской первой летописи, причем в своем месте упоминает о гибели Александра Поповича „с инеми седмьдесятию храбрых“, как это было принято в летописях, восходящих к Владимирскому Полихрону Фотия. Однако в конце повествования после слов: „единь бог весть откуда приведе за грехы наша“, составитель Тверского сборника вновь отступает от традиционного летописного рассказа о Калкской битве, вспоминая свое утверждение о том, что поражение на Калке явилось следствием похвальбы и гордости великого князя киевского Мстислава Романовича. Очевидно, что летописец возвращается вновь к своему „описанию“: „и за похвалу и гордость великого князя Мьстислава Романовича. Глаголють бо яко прииде слух про сих татар, яко многы земли пленуют, а приближаются Руским странам, исповедаша ему [т. е. Мстиславу] о них; он же отрече: «дондеже есмь на Киеве, то по Яико, и по Понтийское море, и по реку Дунай сабле не махивати»“. Можно предполагать, что бахвальство Мстислава, как это видно и из предшествующего „описания“, объяснялось уверенностью его в могуществе своей дружины „храбрых“ во главе с Александром Поповичем.

Откуда взял составитель Тверского сборника свое „описание“ — внесено ли оно им впервые в летопись, или уже читалось и до него в составе летописных сборников, легших в основание Тверской летописи 1534 г.? А. А. Шахматов предполагает,¹ что „описание“ занесено в летопись составителем Владимирского Полихрона Фотия, но впоследствии было сокращено во всех летописях, восходящих к Полихрону, кроме Тверского сборника. Против этого говорит то, что часть „описания“ в Тверском сборнике читается в полном виде, а часть в обычном сокращении („и Александр Попович ту убиен бысть с инеми седмьдесятию храбрых“), что предполагало бы двойное использование в Тверском сборнике Владимирского Полихрона Фотия — в традиционно-сокращенном виде и в полном, нигде более не сохранившемся;

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, 1901, кн. XI, стр. 74.